

Вильфрид Фурманн

Страдания – Асад Бека?

После почти 15-минутной, исполненной Конни Бауером (Conny Bauer) на тромбоне музыки, полной переломных моментов и дисгармонии и настроившей публику на страдания, зритель наслаждается прекрасными кадрами и впечатляющими историческими картинами.

Музыка, сопровождающая фильм, также удалась. Аранжировка исторических кадров замечательна. Глаз оператора (Ларс Бартель - Lars Barthel) – это сверкающая жемчужина фильма. Он не несёт ответственности за не всегда удавшийся кадр и за некоторые из показанных интервью. Однако именно они вызывают иногда тихий хохот и прежде всего страдания у публики.

Фильм «Страдания Асад Бека», премьера которого состоялась 2-го мая 2013 года в кинотеатре «Бабилон» (Babylon) в Берлине – это не документальный, а так называемый авторский фильм, что неоднократно подчеркнул режиссёр фильма Ральф Маршаллек после премьеры фильма, во время представления публике присутствовавших в зале участников фильма. Это примечание режиссёра приводит зрителя к оценке, которая возникает у него частично во время показа фильма: так значит здесь речь идёт о страданиях – страданиях режиссёра с Асад Беком и страданиях, связанных с тянувшейся более семи лет продукцией фильма, по крайней мере разделённого на две части. Некоторые считают этот фильм, собранный из двух частей с различным восприятием и различными сценариями, а также с изменяющимися в течение времени рабочими названиями, даже маленькой катастрофой.

Вторую часть фильма можно легко распознать переходом к форме репортажа с многочисленными интервью. Первая часть, основу которой составляет прочитанный Григорием Кофманом (Grigory Kofman) текст, соответствующий в основном высказываниям из фрагмента Курбан Саида «Мужчина, ничего не понимавший в любви» (транскрибированного мной и доступного всем), которые «считаются» явно автобиографическими, напротив имеет скорее всего документальную направленность. Здесь неуместен спор как об этом фрагменте, полным мерзости и ненависти, так и об Асад Беке самом.

Вторая часть фильма – это в основном явная попытка объяснить, как понимается религия в Позитано и как щедро и бескорыстно помогали итальянцы Асад Беку в то время, когда у него не было денег. И всё-же – это не имидж-фильм, даже если Campania Film Commission в Неаполе была ко-финансистом. Однако почему всё это занимает так много места? Кто же так сомневался в итальянцах? Тот, кто хотел переместить Асад Бека в Баку? При этом спокойные, иногда громоздкие заявления очень постаревших свидетелей того времени или их детей хорошо соответствуют тягостям жизни. Это хорошо подходит Позитано как городу ступеней и городу ветров, как и Баку. Если бы только между этим не было неподходящих, бойких вопросов некоторых берлинцев. Так например, в фильме показан спор между автором (Нурида Атеши) и одним старым человеком в одном из книжных магазинов города Баку. В конце разговора он

высокомерно и с презрительным смехом объявляется во всеуслышание пережитком 15-го века. При этом его взгляды совпадают со взглядами Асад Бека. Значит, речь идёт о страданиях этого автора.

Кто сам себя постоянно утверждает, тот теряет чувство для других, тот теряет свою человечность. Надменность лучится. И так, наслаждаясь в лучах самодовольства, кладётся начало работам по изменению направления надгробного камня в соответствии с причитающейся согласно исламу позицией. Главное событие. Надгробный камень качается в поднятом состоянии как маятник: туда-сюда. Непочтительно!

Несмотря на все эти страдания и все эти разговоры о страданиях, фильм всё-же поверхностно охватывает страдания Асад Бека. И причина этого не в том, что Асад Бек не сыгран в фильме. Фильм даже сильно выиграл по сравнению с предварительной версией тем, что например, снова были вырезаны кадры, показывающие скорбящую по Асад Беку или мечтающую об Асад Беке. То, что не было охвачено - это трагедия жизни, полной постоянных крушений.

Ребёнок видит в Баку нищету и смерть рабочих, а также грязные, чадящие лужи нефти братьев Нобель из Швеции и других, по его мнению, людей леса. Конечно позднее он познаёт экономическое и военное значение нефти, а также преимущество богатства не только в отношениях с женщинами. Он не хочет быть лишённым богатства, он ждёт в каждой своей последующей «мечте» привилегированное положение для себя, связанное с богатством. Но он ещё ребёнок, мать которого рано умирает и который живёт, оберегаемый всеми, почти что взаперти. Так он воспринимает, как ребёнок, как одиночка прежде всего старый Баку, орнаменты, древние шрифты на камнях и т.д. Это приводит к звучанию в нём музыки. Он хочет принадлежать к этому. Он делает это своей землёй, на которой он тоскует по тому, чтобы стать частью общества, этого народа. Это есть и остаётся его мечтой, здесь его корни. Баку олицетворяет при этом исламский мир, а он- еврей.

Он видит революцию, видит много мёртвых. Он всё-же ещё верит найти свою почву под ногами, свой Баку в царской России при царе Николае II. Позднее он восхищается азиатом Сталиным, некоторое время надеется жить со своими корнями и своей музыкой в пределах реформированной Советской России в старом Баку. В конце концов он соприкасается в еврейском родительском доме с идеями социализма. В родительском доме происходят споры. Он слышит о социалистах. Его мать симпатизирует революционерам вокруг Сталина и Ленина. А социалисты встречались позднее на осровах сирен, на островах опасности, т.е. на Ли Галли (Li Galli). Падение первой свободной Республики Азербайджан, годы беженства и эмиграции выводят Асад Бека из заблуждения относительно Советской власти..

Он принимает ислам, ещё будучи в Баку, позднее ещё раз в Берлине. Этот шаг – почти вынужденное следствие его сна. Однако он почти не соблюдает религиозные обряды, остаётся как-то евреем. Он выматывает себя, пока у него на основе якобы достоверных знаний не появляется новая надежда на то, что евреи могут жить в исламском государстве.

Позитано в Италии – это место, которое расположено вблизи Ливии, куда ветер приносит иногда ветер пустыни. Этот песок пустыни поддерживает звучание его внутренней жизненной музыки. Это манна для его души как души человека пустыни. Но тут большая надежда возвращения в свой город, к своей земле и пустыне опирается не на реформированную Россию и также не на Европу, в особенности Германию, а на Персию с шахом Резой. Однако и эта мечта лопается. И на это место вступает для Асад Бека Королевство Саудии с Ибн Саудом, а также его выдающееся положение в университете в Мекке. Он живёт в опьянении, в фантазиях, навеваемых тоской. Настоящая жизнь всегда была только болью.

Зрителю в действительности ничего не передаётся из этих фантазий, ощущений и принуждений Асад Бека. Фильм не дышит личностью Асад Бека. Фильм строит, собирает фрагменты. Он заводит разговор вокруг немногих, быстро рассыпанных слов, таких, как например ислам. При этом слова эти не охватывают ни многочисленные переломы системы, ни перекрывающие друг-друга надежды, а тем более соответствующие конкретные обстоятельства и жизненные принуждения. Они не охватывают ни окружающий, ни внутренний мир, ни внутреннюю раздвоенность, они не показывают развалины души, безнадёжность безвыходного положения. Однако слово приемлемо для представления христианской процессии в Позитано и Ибн Сауда в Аравии. Ничего о последнем большом страдании и этой лопнувшей фата-морганы, в которой он провожает свою жизнь...

Ни слова о том, что пишет Курбан Саид в последних предложениях своего фрагмента, что писатель, т.е. Курбан Саид сорвался во время полёта через Средиземное море в Азию, пролетая над маленьким частным островом и погиб. Имеется ввиду маленькая группа островов «Ли Галли» (Li Galli). Их купил в 1924 году русский Леонид Ф. Мясин (или также Leonide Massine). Он построил на большом острове «Галло Лунго» (Gallo Lungo) виллу, которую потом, в 1937 году перестроил Ле Корбусье (Le Corbussier). Там собирались русские эмигранты и социалисты. И Асад Бек каждый день смотрел из окна своего дома в Позитано на эту группу островов. Они постоянно напоминают ему его родительский дом, Баку, Советы и причину его неудавшейся жизни. И эти острова, эти мифические символы его падения, постоянно находятся между ним и его мечтой об исламском сообществе, в котором относительно свободно могут жить евреи, как например его семья.

Но это не факты в смысле статистических данных. Это угловые моменты его жизни. Не осведомлённый зритель едва узнаёт что-либо об этом, он не распознаёт внутреннюю раздвоенность, глубокую трагедию этого человека.

Поэтому очень жаль, что зритель очень мало или ничего не узнаёт о фактах: настоящая болезнь и его личное (неверное?) отношение к ней, его брак и ужасный развод, повторное возвращение из США в Европу, мнимое гражданство США как надежда на страховку жизни в Италии, убийство отца, депортированного из Вены, близость к народному сообществу и государству, а также к итальянскому фашизму с представлением себя Муссолини. Он ничего не узнаёт о постоянной лжи, искажениях и игры в прятки, о выкорчёванной, так и не пустившей корней и не вступившей в свою

полосу, полной усердий жизни. Ибо Асад Бек опубликовал монографию о каждой своей «мечте», о страданиях каждого разочарования, он отдавал самому себе как писателю отчёт. Они не являются научными, в них много документированных ошибок и жизненной лжи.

Это авторский фильм и продюсер хотел именно так и не иначе. Или всё-же нет? В попытке избежать перегрузок разлетелась на куски, потерялась задушенная жизнь., боль. Здесь страдания (собственно чьи?) придуманны и мысленно внедрены, однако не переданы зрителю. Здесь должен был бы быть более адекватный с концепцией и проблемой подход. Тогда бы воздействие фильма было бы больше его 104 минутной продолжительности. Причина этого не в знаниях и способностях режиссёра. Так какие и чьи боли или намерения показывает фильм?

WF